

О ДУХОВНОСТИ В ПОЭЗИИ А.С. Пушкина

Олег Сенин

Ключевые слова: вера, православные традиции, поэтическое переложение, духовное и поэтическое кредо, духовная лирика, религиозное мировоззрение, русская религиозная мысль

Духовная и жизненная ёмкость евангельской притчи о блудном сыне во многом приложима к судьбе нашего национального гения. Данный ему свыше редкий поэтический дар в годы юности он обращал к темам не всегда достойным. Душевная пылкость и чувственность не позволяли ему провидеть духовные реалии, менее всего зримые в эту пору человеческой жизни. Трудно чем-то другим объяснить школярские богохульные дерзости молодого поэта. К сожалению, именно они стали причиной его ссылки и последующих житейских стеснений. Так сложилась его биография.

Позднее Александр Сергеевич Пушкин сам с удивительной образностью и лаконизмом выразил бессилие человека, не способного без Бога противостоять неотразимому искушению греха:

Напрасно я бегу к Сионским
высотам,
Грех алчный гонится за мною
по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув
в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег
пахучий.

С годами, по мере своего приближения к Богу, он восклицал: «Стократ блажен, кто предан вере!...» Врачующая сила времени, внутренняя предрасположенность к правде привнесли в его творчество духовную просветлённость. Сам он признавал, что его вдохновение питаемой из Божественного источника любви, добра и красоты: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...»

По сути, душевное обаяние всякого человека есть зримое отражение отсвета небесной красоты, способной преобразить нас.

Мадонна

Не множеством картин старинных
мастеров
Украшить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, среди медленных
трудов,
Одной картины я желал быть вечно
зрителем,
Одной: чтоб на меня с холста, как
с облаков,
Пречистая и наш Божественный
Спаситель —

**Она с величием, Он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.**

**Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.**

В последние годы в духовно неустроенной жизни поэта усиливается и возрастает влечение к религиозному утешению:

**Пора, мой друг, пора! Покоя сердце
просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь — как раз —
умрём.**

**На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.**

Перед кончиной Пушкин исповедался, причастился, благословил жену и детей. О его внутреннем просветлении свидетельствует тот факт, что он простил Дантеса, который стал причиной семейного позора и трагической гибели поэта.

Религиозный философ И.А. Ильин не без оснований называл Пушкина «поэтом-богословом». Прежде всего об этом говорит его жизненный путь, путь блудного сына, покаянно возвратившегося к Всеблагому Отцу.

К тому же творческое наследие Пушкина проникнуто ценностями веры в её православном облики.

Известно, что небесным покровителем поэта был благоверный князь Александр Невский, его предок в 21-м поколении. В 1826 году мать поэта, Надежда

Осиповна, неспроста обратилась к государю Николаю I с прошением за опального сына 12 сентября. Именно в этот день Церковь чтит память святого благоверного князя.

Стремление осмыслить такие понятия, как вера и безверие, сделалось темой стихотворения, представленного на завершающем экзамене в Царскосельском лицее.

Мало кто знает о том, что род Пушкиных хранил из поколения в поколение, передавал от отца к сыну частицу Ризы Господней. Александр Сергеевич на смертном одре просил жену соблюсти этот обычай и передать святыню старшему сыну Александру.

Много лет поэт пытался отыскать икону святых апостолов Петра и Павла. Она была дорога ему тем, что в своё время император Пётр I благословил этим образом своего крестника Ибрагима Ганнибала. Заметим, что детей своих Пушкин испытывал на сюжетах и истинах из Библии, которую он считал главной книгой человечества. Приводим его собственные слова: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова её вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удручённые унынием, случайно откроем её, то уже не в силах противиться её сладостному увлечению и погружаемся духом в её божественное красноречие».

Князь П.А. Вяземский, друг поэта, писал: «Пушкин постоянно и настойчиво указывал мне на недостаточное моё знакомство с текстами Священного Писания и убедительно настаивал на чтении книг Ветхого и Нового Завета, называя их «ключом живой воды». Вяземский утверждал, что «Пушкин никог-

да не был вольнодумцем, по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей: напротив, он имел сильное религиозное чувство, читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил...»

П.В. Анненков вспоминает: «В конце своей жизни Пушкин был проникнут весьма живым и трепетным религиозным чувством».

Ф.М. Достоевский в речи на открытии памятника Пушкину в Москве (1880) назвал его поэтом «национально-всемирным». Он заявил, что в его поэзии выразилась русская народность, способная отозваться на духовную жизнь любого другого народа. Именно русскому человеку свойственно стремление к «всемирности и всечеловечности».

Ниже предлагаем небольшую композицию «Возвращение блудного сына», основанную на стихах поэта.

* * *

Через детство каждого русского человека прошли удивительные поэтические переложения Пушкиным народных сказок. Они открылись его впечатлительной детской душе прежде всего через няню Арину Родионовну. Взрослея и старея, мы не устаём поражаться их прелести. Кроме сказок по школьной программе мы познакомились с теми из его стихов, которые можно назвать хрестоматийными. Между тем в наследии поэта есть стихи, которые открывают его как человека верующего, православного. Их неподдельная искренность убеждает в подлинности его веры.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека, —
Залог величия его.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва;
Без них нам тесный мир — пустыня,
Душа — алтарь без Божества.

Вере в Бога неизменно предшествует поиск смысла жизни: откуда я пришёл, зачем я живу, что ожидает меня после смерти? Для неверующего жизнь начинается с колыбели и заканчивается могилой. При таком подходе жизнь делается самоцелью. Зачастую это приводит к тому, что люди стремятся взять от неё всё возможное, прожигая годы в пламени греховных страстей и удовольствий. На самом деле жизнь есть дар Божий, которую следует употребить для служения Богу и ближнему. Поступая так, мы готовим свою душу к жизни вечной.

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдём под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединённый,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживёт мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю; прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлёт судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

**И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.**

Безверие нередко повергает нас в уныние и отчаяние. Земное бытие, исполненное тревог, страданий и лишений, начинает тяготить и мучить. Нечто похожее не однажды переживал и Пушкин.

**Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?**

**Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..**

**Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.**

Митрополит Московский Филарет, современник поэта, ответил ему строками, проникнутыми иным, светлым и обнадеживающим, пониманием жизни.

Ответ Пушкину митрополита Московского Филарета

**Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана...
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена...**

**Сам я своенравной властью
Зло из тёмных бездн воззвал...
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.**

**Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждётся Тобою
Сердце чисто, светел ум!**

Отклик святителя был для Александра Сергеевича дорог и духовно значим. Ведь в глубине души каждый тянется к Богу и нуждается в Нём. Пушкин не раз переживал подобное чувство ностальгии по душевному покою и всецелой посвящённости Господу.

Монастырь на Казбеке

**Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далёкий, вожденный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..**

Ответ святителю Филарету, духовному наставнику Пушкина, наполнен слезным покаянием и желанием служить своей лирой высокому, чистому, святому.

**В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.**

**Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.**

**Я лил потоки слёз нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.**

**И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.**

**Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.**

Благодать, получаемая нами от Бога, чаще всего проявляется в чарующем сиянии красоты, которая указывает на сокровенное присутствие доброты. Это равно относится к Богу, ангелам и людям. Красота эта воистину способна тронуть окаменелое человеческое бесчувствие и вызвать отклик умиления и преклонения.

Ангел

**В дверях Эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.**

**Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.**

**«Прости, — он рек, — тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал»**

Все мы замечали, что на свету видны самые мелкие морщинки на лице, пятнышки на одежде. Подобно этому, приближаясь к осиянной святости Божией, мы бываем мучимы совестью за всё недостойное и бесчестное. Для того чтобы очиститься душой и соединиться со святым Богом, каждому из нас необходимо переступить через порог, который именуется раскаянием.

Воспоминание

**Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,**

**В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;**

**Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;**

ШКОЛА

**И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалею, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.**

Искренне и слезно повинившись перед Господом, мы пытаемся начать новую жизнь, но полагаемся при этом на свои слабые силы. И забываем, что сами по себе, без помощи свыше, мы неспособны противостоять соблазнам. Только признав своё бессилие и взывая к Богу о помощи, мы сможем устоять в искушениях.

**Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною
по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок
сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег
пахучий.**

У людей веры есть благословенная возможность обращаться к Богу в молитве. В словах молитвы мы благодарим Спасителя, просим у него прощения и помощи. Как признавался сам Пушкин, ему особенно была дорога молитва св. Ефрема Сирина, которая читается во время Великого поста.

*Господи и Владыко живота моего!
Дух праздности, уныния, любоначалья
и празднословия не даждь ми. Дух же
целомудрия, смиренномудрия, терпе-
ния и любве даруй ми, рабу Твоему.
Ей, Господи Царю, даруй ми зрети
моя прегрешения и не осуждати брата
моего, яко благословен еси во веки ве-
ков. Аминь.*

В поэтическом переложении Пушкина мы видим предельную приближенность к оригиналу по глубине и выразительности чувствования.

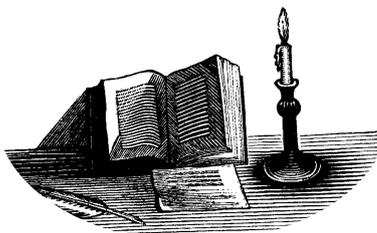
**Отды пустынники и жёны непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь
и битв,
Сложили множество божественных молитв;**

**Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всё чаще мне она приходит на уста**

**И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.**

**Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.**

Вера, Надежда и Любовь способны преобразить нас, изменить к лучшему всё существо, наполнить жизнь милосердием и правдой. С удивительной поэтической выразительностью поэт сказал об этом в своём «Пророке». Библейской основой стихотворения явился рассказ о призвании Богом пророка Исаяи, которому с того часа надлежало возвещать людям глаголы правды и жизни вечной. В Библии мы читаем: «...В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесённом, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы... И сказал я: горе мне! Погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами... Тогда

прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твоё удалено от тебя, и грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? И кто пойдёт для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня».

Пророк

**Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я вачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами лёгкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празнословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».**

В своём итоговом стихотворении «Памятник» Пушкин выразил духовное и поэтическое кредо, которое в конечном счёте позволило ему исполнить Богом данное предназначение:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

